

О противоречии между американским женским движением и психоанализом

Яна Маркова

*Приглашенный преподаватель,
ИТМО, Кронверкский проспект, д. 49, лит. А.,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: iana.caerulea@gmail.com*

О противоречии между американским женским движением и психоанализом

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению теоретических предпосылок, определивших историю напряженности между психоаналитической теорией и движением за права женщин.

В статье утверждается, что корни этого конфликта лежат в специфически американском способе мыслить половое различие как имеющее два относительно независимых слоя: биологический и социальный. В статье прослеживается генеалогия такой концептуализации полового различия из сексологии и социологии вплоть до современного нового материализма. Абстрагирование пола и гендера как отдельных

сущностей, хотя и имеющее в определенные моменты смысл, создает, как показано в статье, концептуальные трудности, попыткам выпутаться из которых посвящена философия Джудит Батлер и ее последователей в рамках материалистического поворота. В статье приводятся аргументы оппонентов этого концептуального различия со стороны феноменологии (например, Мойры Гейтенс, читающей Мориса Мерло-Понти) и экзистенциализма (Торил Мой, читающей Симону де Бовуар), и далее утверждается, что психоанализ также представляет собой альтернативный способ мыслить половое различие в его живой конкретности. Тем не менее несовпадение предпосылок помешало американскому женскому движению разглядеть эту особенность психоанализа и заставило обрушиться на него с уничтожающей критикой, которая (как показано далее в статье) зачастую бьет мимо цели.

Ключевые слова:

пол, гендер, психоанализ, американский феминизм, история идей

Введение: психоанализ и политика

Психоанализ во многих отношениях претендует на уникальный статус. Он является первым примером разговорной терапии, которая в настоящее время практикуется по всему миру в сотне различных парадигм и методов, — однако нередко отделяет себя от психологии. Он претендует на особенную научность или, по крайней мере, научный стиль — но имеет в популярной культуре репутацию отсталого, опровергнутого или даже реакционного. Наконец, он одновременно является и частной психотерапевтической практикой, и всегда чем-то большим — психоаналитический дискурс давно и прочно пустил корни не только на территории искусства и философии, но и в широкой повседневности. Универсальность и эзотеричность, претензия на научность и обвинения в шарлатанстве, приватность и повсеместность, — все это противоречивые составляющие образа психоанализа в современной культуре, без которых его, однако, не представить.

В рамках психоаналитической теории предпринимаются усилия по осмыслению этого особенного и даже сомнительного положения. Так, Габриэль Тупинамба пишет о трех возможных редукциях гипотезы о бессознательном: клинике, теории и ин-

ституте (Тупинамба 2024); за четверть века до него Жан Лапланш написал о «четырех местах» психоанализа, и «в стенах кабинета» было только одним из них (Laplanche 2008: 8–14). Так или иначе, претензии на мир за порогом клинической сцены всегда составляли значительную часть психоаналитического предприятия — начиная с самого Зигмунда Фрейда. Вариант психоанализа, наследующий Жаку Лакану, особенно выделяется на фоне остальных школ в отношении того, насколько широко и повсеместно его язык сейчас применяется в политической и социальной теории. И именно лакановский психоанализ в наибольшей степени сгущает в себе вышеперечисленные противоречия.

Тупинамба пишет о либеральном центризме как элементе «лакановской идеологии», за которую ответственны наследники Лакана, и в первую очередь Жак-Ален Миллер, — но ее семена присутствовали, по его словам, уже у самого Лакана (Тупинамба 2024). Еще один лакановский аналитик, Хорхе Алеман, также отмечает, что большинство лаканистов занимают осторожную позицию «просвещенного либерализма» или «просвещенного консерватизма» — однако сам настаивает, что политические импликации Лакана нельзя свести к защите статус-кво и что возможно говорить о «лаканианской левой» — пусть и как об определенной невозможности (Алеман 2019: 25–30). Иллюстраций того, насколько эта невозможность привлекательна, последние два-три десятилетия предоставляют в избытке: от Жижека и Бадью до самих Тупинамбы и Алемана.

Существует, особенно в последние десятилетия, значительное количество текстов, в которых лакановский психоанализ поднимается на знамена феминистской теории: от уже классических текстов вроде «Что есть секс?» Аленки Зупанчич (Зупанчич 2020) до работ вроде “Lacan and Critical Feminism: Subjectivity, Sexuation, and Discourse” Раны Карузи (Carusi 2021). Однако, несмотря на свои претензии на означающее «феминизм», эти тексты посвящают значительные усилия отстраиванию себя от феминизма, как его обычно понимают, то есть озабоченного проблемами идентичности или прав человека (Зупанчич 2020: 73). И неудивительно, ведь такой феминизм — это американский феминизм, отношения которого с психоанализом исторически были очень сложными. Зупанчич сетует на «десексуализацию» современного феминизма (Зупанчич 2020: 74–75) и ссылается на Джоан Копджек, которая объявляет категорию гендера, доминирующую в современной феминистской теории, кастрированной (Corjес 2012: 31.). Психоанализ, с точки зрения этих

авторок, проникает вглубь проблемы полового различия, тогда как «феминизм» (озабоченный «идентичностью» и «правами человека») по большей части скользит по поверхности и остается на уровне идеологии. В этом смысле, даже заявляя о важности феминистского движения, эта позиция оказывается не столь удалена от обыкновенно свойственного психоаналитическому дискурсу сомнения в любой активистской деятельности.

Во Франции, по-видимому, история отношений психоанализа и феминизма складывалась иначе. Во всяком случае, первые имена, которые обычно вспоминаются в учебниках в связи со словосочетанием «психоаналитический феминизм», — это француженки (по гражданству и языку основных книг) Люс Иригарэ, Элен Сиксу и Юлия Кристева. Работа Элизабет Грос 1989 года с подзаголовком «Три французские феминистки» (Grosz 1989), представляющая французский психоаналитический феминизм англоговорящей публике, впрочем, меняет Сиксу на Мишель ле Дуф. Так или иначе, эта линия достаточно освоена в истории философии — но вместе с тем она достаточно сильно отличается от доминирующих в современном мире форм феминизма, которые наследуют американской традиции. Более того, даже как небольшое, но влиятельное течение в рамках этой традиции, психоаналитический феминизм (одной из «апостолов» которого была вышеназванная Грос, наряду с Джулиет Митчелл, Жаклин Роуз, Джейн Гэллоп и другими) сам себя осознавал в качестве прививки чужой, экзотической, континентальной мысли — короче говоря, «французской теории».

Одну из первых и самых ярких попыток совместить фрейдизм с феминизмом на английском языке предприняла британская социалистическая феминистка Джулиет Митчелл, и попытка эта была полемической. В 1977 году она пишет объемный труд «Психоанализ и феминизм» (Mitchell 2000). Она отталкивается от вопроса: почему, несмотря на значительные изменения в сторону равенства мужчин и женщин в социальной и экономической сферах, психосексуальная жизнь сопротивляется этому равенству, почему отношения полов присущ некий внутренний консерватизм и как это осмыслить с феминистской точки зрения? Ее ответ таков: существует бессознательное, воспроизводящее идеологию патриархата в семье из поколения в поколение — и именно Фрейд показал, как оно работает, а Лакан развил его идеи (Mitchell 2000: xviii). Иными словами, согласно Митчелл, психоанализ является ответом на проблему несовпадения желания и политического целеполагания. «Же-

ноненавистничество» психоанализа, согласно Митчелл, лишь отчасти является следствием личных предубеждений Фрейда. В значительной степени оно отражает реальность бытия женщиной при патриархате, и этот факт можно использовать для его критики. Подход Митчелл, таким образом, — это попытка синтезировать материалистическое понимание истории с открытием бессознательного.

Большая часть «Психоанализа и феминизма» посвящена попыткам изложить фрейдовскую теорию для негативно настроенной публики: Митчелл была первой феминисткой в англоязычном пространстве, кто попытался защитить Фрейда от критики со стороны Симоны де Бовуар, Бетти Фридан, Кейт Миллет и других. Кроме того, значительный объем в книге Митчелл занимает прямая (и весьма ядовитая) критика этих феминисток за непонимание Фрейда и наивный подход к проблеме полового различия. На стороне Митчелл в этой битве против англоязычного феминизма — европейская традиция психоанализа, а также ее политическое применение в деятельности французской женской активистской группы “Psychanalyse et politique” (Mitchell 2000: 298), прославившейся в том числе выходом на демонстрацию с лозунгом «Долой феминизм» (Мой 2004: 131).

Почему же сцепка между психоанализом и феминизмом не возникла на американской почве сразу, а была позднее и с переменным успехом импортирована из Франции? Почему англоязычные феминистки оказались так глухи (по мнению Митчелл) к открытиям Фрейда и, следовательно, неспособны осмыслить «консервативную силу» бессознательного и подлинную сложность проблемы полового различия? Я выдвину предположение, что одна из возможных причин лежит в области истории идей: это онтология полового различия, которая сложилась в критической теории США за XX век, а именно — представление о бинарной паре «пол/гендер». Далее я обращаюсь к истории этой пары, которая в современной теории успела сначала стать общим местом, а затем подвергнуться деконструкции и критике со всех возможных ракурсов.

Предыстория гендера: от «анаболического метаболизма» к клинике доктора Мани

Два основных корня аналитического разложения полового различия на биологический и социальный компоненты (в первом приближении именно такова смысловая нагрузка пары «пол/

гендер») — это, с одной стороны, психология, а также выделяющиеся из нее психоанализ и сексология, а с другой — социология середины XX века. Предпосылкой же и для того, и для другого было естественнонаучное понимание пола, сложившееся в XVIII–XIX вв. Одна из влиятельных версий того, как развивалось это понимание, — постепенно сложившаяся в европейской науке «модель двух полов»: представление о том, что мужчины и женщины в принципе представляют собой два радикально противопоставленных вида человеческого организма. Согласно историку Томасу Лакеру, до этого половые различия понимались как не столь существенные вариации одной и той же модели, смена парадигмы же была связана с более жесткой институционализацией женских социальных ролей в новом обществе (Laqueur 1990: 6). Как показывает Торил Мой, исследования в области репродуктивной биологии таких авторов, как Уильям Кит Брукс, Патрик Геддес и Артур Томсон, подверстываясь под доминирующую в культуре «модель двух полов», давали рождение таким концепциям, как противопоставление «анаболического метаболизма» женщин, направленного на сбережение энергии, и активного, экспансивного «катаболического метаболизма» у мужчин, — противопоставление, апеллирующее к различию между мужскими и женскими половыми клетками (Moi 1999: 15–18). По выражению Мой, для ученых того времени «мужчина представлялся огромным сперматозоидом, а женщина — гигантской яйцеклеткой» (Moi 1999: 20). Эти научные концепции служили обоснованием для все более увеличивающейся дифференциации социальных ролей в буржуазном обществе: мужчина активен в публичной сфере, женщина занимается пассивным накоплением и воспроизводством энергии в доме.

Социальное производство мужчины и женщины как фактически двух разных биологических видов (наряду с таким же биополитическим производством расы (Фуко 2005: 253–278)) имело далеко идущие последствия для осмысления сексуальной вариативности человека. Мишель Фуко подробно показывает, как на протяжении XVIII–XIX вв. люди, практикующие сексуальные отклонения и извращения, также начинают пониматься в качестве отдельных «видов» человека (Фуко 1996: 147–148). Начало научной денатурализации пола, которая впоследствии привела к появлению концепции гендера, положили именно нововременные исследования сексуальных отклонений у Рихарда Крафт-Эббинга и Хэвлока Эллиса (Krafft-Ebbing 1998, Ellis and Symonds 1896), которые теоретизировали различные сексуаль-

ные девиации через наличие мужских качеств или гормонов в женском организме (и наоборот). Иными словами, понимание мужчин и женщин как радикально противопоставленных биологических «видов» приводит к представлению о сексуальной ненормативности как о чем-то, что выходит за пределы самой биологической сути мужчины *qua* мужчины и женщины *qua* женщины и должно категоризироваться в отдельный «вид». Возникает представление о том, что «мужественность» и «женственность» не тавтологичны телу, которое ими обладает. В «мужском» теле может не хватать «мужественности», в «женском» ее может быть слишком много. Это расщепление можно рассматривать как прототип различия между биологическим и социальным полом в современных социальных науках.

Мысль о том, что в мужчинах и женщинах есть что-то еще «мужское» или «женское» помимо самоочевидного пола, и что это нечто может не совпадать с наблюдаемым полом, быть отклоняющимся, является также ключевой для Фрейда. Для основателя психоанализа пол — не только естественная данность (каковой являются чисто биологические признаки), но также конструкция и достижение в психической жизни ребенка — достижение, сопряженное с трудностями и чреватое различными «отклонениями». Безусловно, никакого четкого разграничения между биологическим и социальным Фрейд не проводил — сексуальность в психоанализе понимается как то, что любое такое разграничение ставит под сомнение. Тем не менее важно отметить и то, как психоанализ сам послужил одним из источников различия между полом и гендером.

Параллельно с разработками сексологов и психоаналитиков по выделению психического компонента пола схожий процесс шел в американской социологии: социальная роль мужчин и женщин постепенно начинала концептуализироваться как нечто отличное (по крайней мере, аналитически) от их непосредственного биологического пола. Принципиальный вклад здесь внес основатель структурного функционализма Толкотт Парсонс, который в середине века развернул теоретический проект по описанию американской семьи с точки зрения социально значимых функций ее членов. Согласно Парсонсу, семья является структурной ячейкой общества, выполняющей определенные функции, необходимые для нормальной работы социума. Каждая позиция внутри семьи также обладает четкой функцией. Мужчины играют «инструментальную роль»: представляют семью во внешнем мире, добывают средства к пропитанию.

Женщинам отведена «экспрессивная роль» — воспитание детей, забота, поддержка эмоционального фона. Обе эти функции в теории Парсонса имеют чисто социальное бытие и не вытекают напрямую из биологического пола (Parsons and Bales 2002: 3–33). Символический интеракционизм Ирвинга Гофмана (Goffman 1988: 1–9) и этнометодология Гарольда Гарфинкеля (Garfinkel 1984: 118–140) в еще большей степени подчеркивают «ненатуральность», автореферентность и достигаемость половых ролей, обозначенную в структурном функционализме.

Короче говоря, современное содержание понятия «гендер» вызревало сразу в нескольких научных дисциплинах и в целом отражало становление нового режима управления населением, который Фуко назвал биовластью¹.

Само слово «гендер», однако, соединилось со своим содержанием только в середине XX века. Психиатр и сексолог Джон Мани ввел этот термин в ходе своей работы по исследованию пациентов с врожденными нарушениями полового развития (интерсекс, гермафродитизм). Он выдвинул гипотезу о существовании гендерной идентичности: психологического отождествления человеком самого себя с мужским или женским полом, которое является не врожденным качеством, а продуктом научения («импринтинга») в первые годы жизни (Money, Hampson, Hampson 1957). Очевидно, что для врача, занимающегося лечением пациентов с врожденными отклонениями от «типичного» полового развития (хромосомные аномалии, анатомическая амбивалентность, нетипичные уровни половых гормонов), «гендер» в таком случае обладает регулятивной, нормативной функцией. Ранняя идентификация с тем или иным полом, с точки зрения Мани, является нормой, в соответствии с которой должно быть приведено тело пациента, в том числе путем хирургии — в результате которой человек мог, к примеру, навсегда лишиться возможности получать удовольствие от секса, — о чем свидетельствовали представители зарождающегося интерсекс-движения (Fausto-Sterling 1993).

¹ «Таким образом, там, где существовала драматичная, мрачная власть суверена, обладающая способностью заставить умереть, появляется теперь вместе с технологией биовласти, технологией власти, ориентированной “на” население как таковое, на человека в качестве живого существа, постоянная, ученая власть, функция которой “заставить жить”. Суверенная власть заставляла умереть и позволяла жить. А теперь появляется власть с функцией регуляции, она, напротив, состоит в том, чтобы заставить жить и позволить умереть» (Фуко 2006: 260–261).

Печально известен в этом смысле случай Джона Реймера. В результате хирургической ошибки в возрасте 6 месяцев мальчику удалили пенис, и Мани рекомендовал его родителям провести ребенку операцию по смене пола и воспитать его как девочку: это, по его мнению, не только облегчило бы его жизнь по сравнению с жизнью мужчины без функционального пениса, но и подтвердило бы теорию Мани о выученном характере гендерной идентичности. Реймер, однако, уже в детстве осознал, что не является «нормальной» девочкой, с 15 лет пытался жить, вопреки воспитанию, как мужчина, а впоследствии покончил с собой. Есть сведения и о том, что на консультациях у Мани мальчик подвергался сексуализированному насилию (Gaetano 2017).

Идеи Мани были развиты и популяризированы психоаналитиком Робертом Столлером, который в своей работе «Пол и гендер» (1968) развил концепцию гендерной идентичности и описал механизм ее формирования в раннем детстве в рамках психоаналитической теории. Столлер утверждал, что психический пол, или гендерная идентичность человека, не является чем-то врожденным, но конструируется в инфантильном опыте отношений с матерью и отцом, — и, согласно Столлеру, в некоторых случаях, как у части его пациентов, может расходиться с биологическим полом. В частности, его теория формирования нарушений половой идентичности у биологических мальчиков заключалась в том, что матери таких детей были слишком опекающими и воспринимали их как продолжение своего тела — то есть у таких детей не произошло вмешательство отцовской функции, и первоначальная симбиотическая связь с матерью так и не была окончательно расторгнута (Stoller 1968).

Именно работы Мани и Столлера оказали решающее влияние на формирование концептуального аппарата «пола/гендера»: ссылки на них можно найти даже в работах радикальной феминистки Кейт Миллетт, которая писала, ссылаясь на Столлера:

Современные исследователи полагают, что <...> никаких психосексуальных (тех, что описываются как мужественное и женственное, в отличие от мужского и женского) различий между полами при рождении не существует. Психополовая тождественность является, таким образом, плодом послеродового развития и научения личности (Миллетт 1994: 153).

Привлекательность этой теории для критических социальных исследований очевидна, поскольку она не только денатури-

зует понятие пола, отделяя от него психический/социальный гендер, но и позволяет помыслить социальные перемены. Если гендеру «учат», учить можно иначе. Это открывает перспективы для социального прогресса и борьбы с неравенством.

Однако некритичное восприятие этого аппарата социальной теорией ставит несколько проблем. Во-первых, генеалогия гендера очевидно отсылает к государственной психиатрии и насильственной нормализации (см. случай Джона Реймера), что может служить поводом для сомнения в безусловной прогрессивности этого понятия. Во-вторых, его концептуальные истоки неотделимы от истории становления биовласти как доминирующего режима управления в буржуазном обществе. Более того, как показывают современные фукольдианские исследователи, понятие гендера активно используется в странах Запада для управления населением с целью максимизации эффективности производства и воспроизводства (Реро 2015: 133–157). Эти факторы должны по меньшей мере вызвать настороженность у исследователей по отношению к понятию гендера и его некритичному использованию. Тем не менее концептуальный аппарат «пола/гендера» быстро стал «здоровым смыслом» англо-американской социальной теории, и дальнейшей ступенью в этой трансформации стала его политизация в феминистской теории «второй волны».

Пол без гендера: феминизм второй волны

Важнейшей предпосылкой для так называемой «второй волны» феминизма на Западе стала работа Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949). Ее главный тезис — и наиболее известная цитата — звучит так: «Женщиной не рождаются, ею становятся». Это значит: обладание женской репродуктивной системой еще не делает тебя женщиной в человеческом, социальном смысле; женщиной тебя делают воспитание, культура, институты и отношения власти, которые конструируют половину человечества как слабый, зависимый и подчиненный пол (Бовуар 1997: 310). Однако эта ситуация не является ни необходимой, ни неизменной: в другом обществе женщины могут становиться собой иначе. Экзистирование женщины принципиально не ограничено заранее, его ограничивает историческая ситуация, в которую она вброшена — и которая может быть изменена.

Бовуар не использовала (еще не существующее на момент написания книги) различие между полом и гендером: для

нее биология и социальные условия являются равноправными участниками неразделимой исторической экзистенции. Однако представительницы радикального феминизма в Америке, владея наработками социологов и психологов, смогли прочесть Бовуар через линзы этого различия. В 1970 году были написаны сразу две ключевых работы радикального феминизма. «Сексуальная политика» Кейт Миллетт известна тем, что в ней формулируется феминистское понятие патриархата: это общество, в котором все мужчины как политическая группа по праву рождения обладают институциональной властью над всеми женщинами как политической группой (Миллетт 1994: 149). Все известные нам общества до сих пор были той или иной формой патриархата, и это проявляется во всем: от мифов и литературы до разделения труда. Господство мужчин над женщинами настолько универсально, что является парадигмой для прочих форм угнетения, таких как расовое или классовое. При этом Миллетт, с опорой на психологические и социологические теории своего времени, отвергает предположение о том, что это господство может иметь под собой биологические причины: даже если в глубокой древности мужчины могли захватить власть благодаря физической силе или женской уязвимости во время беременности, сейчас это значения не имеет, поскольку патриархат представляет собой чисто социальный феномен (Миллетт 1994: 151). Гендерная идентичность, о которой писали Мани и Столлер, также является продуктом отношений власти — более того, согласно Миллетт, социализация детей как предназначенных к власти мужчин и предназначенных к подчинению женщин «кастрирует» психику и тех, и других, лишая ее гармоничного развития (Миллетт 1994: 152–155). Задача же феминизма — опрокинуть властные отношения патриархата, прекратить социализацию людей согласно априорно иерархическим ролям и построить общество равенства и гармоничного развития всех потенциалов человеческой психики. Только в таком обществе, согласно Миллетт, мы действительно сможем понять реальный статус и роль биологических различий между мужчинами и женщинами — до тех пор само их исследование всегда уже будет искажено идеологией патриархата (Миллетт 1994: 152).

Иного мнения о связи биологии и общественного положения женщин придерживается Шуламит Файерстоун, автор «Диалектики пола», второго ключевого текста радикального феминизма родом из 1970 года. Предлагая схожую оценку патриархата как тотальной структуры общества, Файерстоун заходит еще дальше

и утверждает, что власть мужчин над женщинами действительно имеет биологический исток. Беременность и забота о новорожденных неизбежно ставят женщин в уязвимое положение — социальные институты господства, о которых писала Миллетт, являются только надстройкой над этим биологическим базисом (Firestone 1970: 8–9). Это значит, что одного переустройства общества и психики недостаточно: чтобы избавиться от гендера, нужно избавиться и от пола. Поэтому программа Файерстоун включает в себя футуристические образы искусственной матки, снимающей бремя деторождения с женщин и таким образом уничтожающей материальную основу для социального угнетения (Firestone 1970: 203–242). Идеальное общество, согласно Файерстоун, — это технокommунистическая утопия (более близкая к Фурье, чем к Марксу), в которой уничтожение социально сконструированной иерархии влечет за собой и изменение материальности.

Оба варианта радикально-феминистской теории используют различие между биологическим полом и социальным гендером — не всегда последовательно применяя эту терминологию, но явно имея в виду этот концептуальный аппарат. Классическое систематическое выражение феминистское различие между полом и гендером приобрело в работе Гейл Рубин «Обмен женщинами: заметки о политической экономии пола» (1975). Опираясь на психоанализ Фрейда, структурную антропологию Леви-Стросса и исторический материализм Маркса, Рубин формулирует тезис: в любом человеческом обществе до сих пор существовала система «пол/гендер», преобразующая «сырой материал» человеческой биологии и сексуальности в те или иные символические и социальные структуры. Человеческая сексуальность никогда не является естественной, в ней всегда есть избыточный элемент символического, и чаще всего это символическое было иерархическим и невыгодным для женщин (Рубин 2000: 125–126). Тем не менее можно представить феминистскую утопию, в которой этот иерархический характер гендера устранен. Рубин пишет: «Моя мечта — это андрогинное и безгендерное (хотя и не бесполое) общество, в котором анатомическое устройство половых органов человека не играет никакой роли в том, какую профессию он выбирает, чем он занимается и с кем занимается любовью» (Рубин 2000: 130). Именно в таком виде феминистская дихотомия между полом и гендером получила наибольшее распространение: пол представляет собой нейтральную биологическую данность, гендер — ее политизиро-

ванную интерпретацию; чтобы добиться равенства, нужно «освободить пол от гендера» и дать мужским и женским телам быть просто телами, без дополнительных иерархических смыслов.

Гендер без пола: от социального конструирования к новому материализму

На этом, однако, история не заканчивается. Представление о гендере как о культурном корреляте естественного и неизменного биологического пола было в свою очередь подвергнуто обширной критике в рамках социологии. Ключевой в этом отношении стала работа Кэндес Уэст и Дона Зиммерманна «Создание гендера», до сих пор являющаяся наиболее цитируемым текстом по гендерной социологии. Авторы подвергают сомнению уже устоявшееся к тому времени различие между полом («анатомия, гормоны и физиология») и гендером («достигаемый статус <...>, [который] конструируется психологическими, культурными и социальными средствами») (Уэст, Зиммерман 2000: 193). С одной стороны, они указывают на двусмысленность и противоречивость критериев, по которым в разных ситуациях может определяться пол; с другой — на тот факт, что социальные и культурные различия женщин и мужчин не кажутся «достигнутым статусом» в контексте подчинения женщин мужчинам и разделения труда, чаще всего сохраняют стабильность на протяжении жизни и совпадают с половой принадлежностью. Вместо бинарного аппарата пола/гендера Зиммерманн и Уэст предлагают модель, состоящую из трех категорий: пол, категория пола и гендер. Под полом понимается «определенность, основанная на использовании социально принятых биологических критериев для классификации индивидов как женщин или мужчин». Под категорией пола — приписывание индивиду принадлежности к тому или другому полу на основании внешних социально заданных признаков: категория пола «выражает» пол в социальном взаимодействии, однако может и не соответствовать биологическим критериям пола (как, например, в случае с интерсекс-пациентами Джона Мани). Наконец, гендер, согласно авторам, — это деятельность «по организации ситуативного поведения в свете нормативных представлений об аттитюдах и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу» (Уэст и Зиммерман 2000: 195). Категоризация по полу является фундаментальной для человеческого общества, поэтому создание гендера (действия, призванные «выразить» вну-

треннюю половую сущность человека, в действительности же ее таким образом производящие) происходит во всех сферах человеческого существования — любое социальное действие включает в себя категоризацию по признаку пола и сопутствующее ей и подкрепляющее ее производство гендера (Уэст и Зиммерман 2000: 207–210).

Несмотря на в целом дескриптивный характер работы, Уэст и Зиммерман задаются вопросом, возможно ли не производить гендер (Уэст и Зиммерман 2000: 206–207). Они полагают, что его производство подразумевает разделение труда и поддерживает неравенство полов, однако отмечают, что оно неизбежно, пока категоризация по полу является фундаментальным социальным различием. Исходя из этого, они ставят вопрос: «Если мы хотим относиться к мужчинам и женщинам как к равным, то почему вообще необходимы две категории принадлежности по полу?» (Уэст и Зиммерман 2000: 217). Этот вопрос не получает ответа.

Резюмируя, можно отметить, что для социологии и психологии до 1980-х годов существование двух категорий людей, мужчин и женщин, скорее было самоочевидным фактом, от которого любая социальная теория полового различия должна отталкиваться как от предпосылки. Фактом, напомним, который, согласно историческим исследованиям Фуко и Лакера, сам по себе является продуктом наук и общественного уклада XVIII–XIX веков. Теория социального конструирования гендера делает следующий шаг: сам факт существования этих категорий как чего-то относящегося к внешней действительности ставится под вопрос, но уже не с точки зрения генеалогии понятий, а с точки зрения социального конструирования. Источником различия между мужчинами и женщинами оказывается социально заданная категория пола и производство гендера; даже сам пол, по замечанию авторов, — это совокупность «социально принятых биологических критериев» (Уэст и Зиммерман 2000: 195). Трансформировать половое различие, компенсировать неравенство в такой перспективе — значит перестать производить гендер, «выражающий» (в действительности — создающий и подкрепляющий) это различие во всех социальных взаимодействиях, а перестать производить гендер — значит отказаться от категоризации людей по полу.

Не получается ли здесь циркулярного объяснения? Если гендер оказывается автономным, не привязанным к внесоциальной реальности, возникает вопрос о том, почему он все-таки существует и продолжает существовать именно в той форме, в которой он

существует. Если неясно, почему вообще существует категоризация людей по полу, неясно также и то, как возможно перестать совершать эту категоризацию. Не подразумевается ли здесь под сложной социологической аргументацией наивное просвещение в духе Миллетт и ее интерпретации гендера: вся система якобы держится просто по инерции, «одной лишь верой» (Миллетт 1994: 154), и достаточно просто не рассказывать детям, что мужчины и женщины — это два разных типа людей?

Идеи Уэст и Зиммерманна о процессуальном характере гендера и их деконструкцию пола как чего-то естественно данного репрезентирует в философском поле и доводит до логического завершения феминистский философ Джудит Батлер в работе «Гендерное беспокойство» (1990). Батлер критикует современную ей социальную теорию за нерефлексивное полагание «женщин» как когерентной группы, объединенной по признаку пола или гендера. Следуя Фуко, Батлер утверждает, что субъект в действительности конструируется в процессе репрезентации, и этот процесс никогда не является «невинным», поскольку подразумевает отношения власти. Апелляция к само собой разумеющейся, дополитической общности женщин, совершаемая феминизмом, — это, согласно Батлер, не только репрезентация, но и конструирование, которое неизбежно подразумевает исключения и слепые пятна (Батлер 2022: 44–51). С похожей критикой она обращается к самому понятию пола как некоторого натурального субстрата для гендера. Как показали Фуко и другие, пол как понятие имеет свою историю и генеалогию, он конструируется религиозными, медицинскими, биологическими и психоаналитическими дискурсами, он меняется в ходе истории. Следовательно, нельзя сказать, что культурный гендер репрезентирует природную данность пола; скорее, пол «всегда уже был гендером, а значит, различие между полом и гендером — это никакое не различие» (Батлер 2022: 53). Речь тогда идет о дискурсивной практике, отбрасывающей понятие пола в качестве своего якобы природного и дополитического фона — на котором политические структуры гендера кажутся возникающими естественным образом. Наиболее известна Батлер концепцией гендерной перформативности — это и есть тот набор практик, которые, постоянно повторяясь, цементируют половую и гендерную идентичности как нечто якобы этим практикам предшествующее. Эти практики являются регулятивным механизмом производства нормативных субъектов — и потому «неправильное» исполнение гендера является, с точки зрения

Батлер, актом одновременно опасным и подрывным (Батлер 2022: 53–81).

«Гендерный монизм» Батлер спровоцировал ряд обвинений в забвении материальной реальности (Нуссбаум 2018; Alaimo, Nekman 2008). Хотя она посвятила свою следующую работу опровержению этой критики (Butler 2011), в целом можно сказать, что уже сформулированный в «Гендерном беспокойстве» концепт пола как эффекта гендерной перформативности не отменяет существования биологической реальности тела — но предполагает, что даже научное исследование этой реальности всегда будет обусловлено дискурсивными практиками гендера (Батлер 2022: 203–210). Здесь созвучной оказывается работа феминистского биолога Энн Фаусто-Стерлинг “Sexing the Body” (2000): она не только показывает, как гендерные стереотипы оказываются источником предпонимания для исследователей, формирующих гипотезы и моделирующих эксперименты, но и демонстрирует, ссылаясь на различные исследования, что биологический пол сам по себе устроен намного сложнее, чем бинарная оппозиция мужчины и женщины; что он предполагает множество промежуточных и смешанных состояний; и что гендер в этом смысле опять оказывается тем, что организует наше понимание пола (Fausto-Sterling 2020). С другой стороны в сторону материальности концепты Батлер развивает Поль Б. Пресьядо. Также работая в русле фукольдianской теории, Пресьядо исследует гендерные практики как технологии, формирующие тело на материальном уровне через диеты, сексуальные практики, фармакологию и хирургию (Preciado 2013). В свою очередь, представители материального поворота в феминистской теории, такие как Карен Барад, доводят концепт перформативности Батлер до онтологического уровня, утверждая, что не только пол, но сама физическая реальность есть эффект постоянного взаимодействия и повторения, а стабильные идентичности вещей — продукт этих интра-акций (Barad 2007).

С 1990-х годов теория гендерного конструктивизма Уэст и Зиммерманна и теория перформативности Батлер стали выражением духа времени в социологии и критической теории. Даже более современный поворот в сторону материальности и онтологии в значительной степени является развитием потенций, заложенных в конструктивистском повороте. И хотя тот факт, что материальность вновь оказывается в поле зрения, безусловно, свидетельствует о прогрессивном развитии теории, нельзя не задаться вопросом: необходимо ли было вообще аналитиче-

ское различие пола и гендера, если мы приходим к их слиянию либо в дискурсивной перформативности (у ранней Батлер), либо в дискурсивности материальной, как у Пресьядо или Барад?

Этот вопрос задавался на протяжении развития американской феминистской теории не единожды. Основной проблемой для критиков стал слишком абстрактный и аисторичный характер разделения на нейтральную природу пола и социально сконструированный гендер. Так, Мойра Гейтенс, опираясь на психоанализ и феноменологию в статье «Критика различения пола и гендера» (1983), критикует разделение как абстрактное и механическое. Она суммирует поло-гендерную парадигму так:

Тело является нейтральным и пассивным по отношению к формированию сознания. <...> Возможно принципиально поменять важные эффекты исторической и культурной специфичности «жизненного опыта», сознательно трансформируя материальные практики данной культуры (Gatens 1996: 7).

Согласно Гейтенс, это повторяет худшие формы картезианского дуализма, воспроизводит не оправдавший себя просвещенческий пафос «перевоспитания» и игнорирует историческую специфику непосредственного опыта жизни в конкретном теле в конкретных общественных условиях. Для компенсации рационалистических предрассудков и преодоления дуализма Гейтенс предлагает обратиться к анализу воплощенного существования у Фрейда и Мориса Мерло-Понти. Психоанализ и феноменология дают возможность выстраивать социальную теорию, опираясь на воплощенный опыт субъектности, а не подверстывают субъектность целиком под культурные нормы, понимаемые как нечто внешнее и подлежащее сознательному изменению.

Позднее в схожем ключе (но с другими теоретическими установками) высказывается Торил Мой: с ее точки зрения, различие между неизменным биологическим полом и изменчивым сконструированным гендером — это концептуальная ловушка, в которую англо-американская теория завела себя сама, борясь с наследием биологического детерминизма XIX века, но оставаясь в той же дискурсивной рамке «модели двух полов». Согласно Мой, достаточно обратиться к анализу того, как мы используем слово «женщина» в своей речи, чтобы понять, что оно может отсылать как к телесной воплощенности, так и к исторической специфике существования в том или ином обществе, и эти значения не противоречат друг другу и не нуждаются в принци-

пиальном аналитическом разведении. В конечном итоге Мой предлагает вернуться к де Бовуар и ее исследованию исторической экзистенции женщины: телесность у нее всегда уже опосредована социумом, а нормы воплощаются в телах, и нет никакой необходимости в абстрактном разделении этих двух аспектов, если цель — борьба за справедливость для конкретных, живых людей (Moi 1999). Обращается она и к психоанализу, хотя и со свойственной ее прагматическому подходу критикой его эзотеричности (Moi 2004).

Вспомним, однако, что феминизм во Франции (через Иригарэ, Сиксу и других) обратился к психоанализу намного раньше, без предварительного формирования пары «пол/гендер», с тем, чтобы ее затем раскритиковать. Заметим и то, как более поздний психоаналитически-инспирированный феминизм (к которому, например, можно отнести Аленку Зупанчич (Зупанчич 2020) и, с некоторой натяжкой, Джоан Копджек (Corjес 1994)) атакует именно машину «пола/гендера». Обратимся, наконец, к психоанализу и мы, и посмотрим, как половое различие понимается в нем.

Половое различие в психоанализе

Утверждение о том, что теория Фрейда отводит центральную роль сексуальности, является общим местом. Сексуальные желания и влечения с самого начала были центральными концептами его непрерывно развивавшейся мысли. Однако «пансексуализм» Фрейда является не столько объясняющим механизмом, сколько сам нуждается в объяснении, так как одновременно с приданием сексуальности центрального статуса Фрейд радикально сдвигает область и значение того, что вообще есть сексуальность. Она безусловно перестает пониматься как то, что имеет дело исключительно с размножением или даже с половым актом в принципе. Сексуальность влечений, сексуальность частичных объектов, инфантильная полиморфная сексуальность, которую открыл Фрейд, пронизывает буквально все: отсюда многочисленные «фрейдистские» шутки о том, что «иногда сигара — это просто сигара». Фрейдово понимание сексуальности в действительности таково: сигара никогда не просто сигара, что угодно может иметь сексуальное значение, кроме самой сексуальности, которая оказывается радикально бессмысленной (как пишет Джоан Копджек, секс — это «эвтаназия разума», его предел и обратная сторона (Corjес 1994: 201–236)).

В разговоре о психоаналитическом подходе непосредственно к половому различию важно ни на миг не терять из виду то особое место, которое Фрейд отводит сексуальности. Хотя теоретические воззрения Фрейда претерпели немало изменений, ключевое положение, сформулированное в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905), — это постулирование сексуальности как особой сферы, не совпадающей ни с биологией и репродуктивной функцией, ни с социальными нормами и порядками. Влечение не равно инстинкту, оно возникает на границе тела и психики и вносит разлад в животную жизнь организма (Фрейд 2006b: 88–89). Из этого положения постепенно выводится и теория полового различия: оно понимается не как естественная биологическая данность (и не как продукт научения, как в социологических теориях гендера), но как результат психосексуального развития субъекта, неотделимый от формирования его бессознательного и структур субъектности.

В «Трех очерках» описание этого процесса включало в себя симметричную модель Эдипова комплекса: ребенок начинает чувствовать влечение к родителю противоположного пола и ревность и агрессию по отношению к родителю своего пола. Однако в результате разочарования после осознания невозможности удовлетворить свои влечения ребенок идентифицируется с родителем своего пола и освобождает место объекта для других людей, напоминающих ему о первом объекте. Но мысли о сложности и асимметрии полового различия возникали у Фрейда уже во время написания этой работы: так, в разделе «Дифференциация мужчины и женщины» он пишет, что либидо у обоих полов можно было бы назвать «мужским» — «если бы мы сумели наделить понятия “мужской” и “женский” более определенным содержанием» (Фрейд 2006b). В редакции 1915 года он делает в этом месте обширную сноску, призванную раскрыть это загадочное «если бы», — но, кажется, еще больше все запутывает. Он пишет о том, что противоположность мужчины и женщины можно рассматривать на трех уровнях. На уровне биологии мужчины и женщины различаются постольку, поскольку различаются сперматозоид и яйцеклетка, — и как будто активная роль первого должна соотноситься с усиленной мускулатурой и агрессивностью организма в целом, однако Фрейд делает оговорку, что далеко не у всех видов это соотношение существует. Что касается второго уровня, пары «пассивность/активность», то «именно в этом значении <...> либидо обозначается как мужское, ибо влечение всегда активно, даже тогда, когда оно поставило перед

собой пассивную цель» (Фрейд 2006б). Наконец, на третьем уровне — на уровне социальных проявлений мужественности и женственности — каждый человек, согласно Фрейду, представляет собой смесь мужских и женских черт в разной степени проявленности. Иными словами, оказывается, что определить сущность полового различия для Фрейда очень затруднительно. А если учесть тот факт, на который указывали многочисленные феминистские критики Фрейда, включая Люс Иригарэ (Irigaray 1985: 11–132), — что теории Фрейда строятся в первую очередь вокруг мальчика и его становления мужчиной, — становится ясно, что тайна полового различия по большому счету совпадает с тайной женственности. Фрейд не отрицал этого и сам: известны его слова о «темном континенте» женской сексуальности и озабоченность вопросом «чего хочет женщина», а в лекции «Женственность» 1933 года он после указания на тщетность попыток дать ясное определение понятиям «мужественности» и «женственности» открыто признает, что «психоанализ не намерен описывать, что такое женщина, — это было бы едва ли разрешимой задачей для него, — но исследует, как ею становятся, как развивается женщина из предрасположенного к бисексуальности ребенка» (Фрейд 2003: 539). Именно этот вопрос является ключевым для более зрелой теории полового различия Фрейда.

Частичные ответы эти вопросы получают в достаточно позднем тексте, «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925). В кратком виде представление Фрейда о возникновении полового различия из этой работы можно изложить следующим образом. Вплоть до фаллической фазы дети обоих полов тождественны: «маленькая девочка — это маленький мальчик», эрогенной зоной девочки является клитор, который выступает как аналог пениса мальчика, а объектом активного влечения обоих является мать. Мальчик, испытывающий влечение к матери и соревнующийся с отцом, в какой-то момент обнаруживает, что у матери — и у женщин вообще — нет пениса. По утверждению Фрейда, ребенок интерпретирует это как кастрацию — и, в страхе, что отец подвергнет его тому же наказанию, подавляет свое влечение к матери и идентифицируется с отцом. Комплекс кастрации разрушает Эдипов комплекс. В случае же девочки кастрационный комплекс предшествует Эдиповому: вначале, как и мальчик, привязанная к матери, девочка однажды обнаруживает, что и она сама, и ее мать кастрированы, и в разочаровании обращает свое влечение, приобретающее пассивную направленность, к отцу, обладающему

фаллосом, желая родить ему (впоследствии — другому мужчине) ребенка, чтобы обрести фаллос в нем. Таким образом она вступает в Эдипов комплекс, окончательного выхода из которого у нее может и не быть. На этом пути нормативной женственности девочка должна пройти сложную трансформацию: меняется не только объект (с матери на отца) и цель (с активной на пассивную), но и орган ее сексуальности (с клитора на вагину). Одно из распространенных «отклонений» — это неспособность достаточно подавить зависть к пенису мальчика, которая выражается в том, что Фрейд называл «комплексом маскулинности» и обнаруживал в попытках женщины конкурировать с мужчинами на равных, а также в женской гомосексуальности (Фрейд 2006а).

Таким образом, можно сказать, что половое различие проявляется для мужчин и женщин в порядке следования Эдипова комплекса и комплекса кастрации (что сказывается в том числе на формировании Сверх-Я), а также в главной доминанте психической жизни, которая складывается в результате: для мужчин это страх кастрации, для женщин — зависть к пенису.

Как во введении к сборнику текстов Лакана о женской сексуальности отмечает Джулиет Митчелл, одна из центральных защитниц психоанализа и его освободительного потенциала против вульгарной феминистской критики, подобная интерпретация полового различия вызвала недовольство и возмущение у последователей и учеников Фрейда еще до того, как она стала объектом феминистской критики (Mitchell 1982). Представление о том, что либидо изначально у детей обоих полов «мужское» и направлено на мать; предположение о «неполноценности» женских гениталий и производности женской сексуальности по отношению к базовой мужской; теоретизирование о том, что особенности Эдипового комплекса у женщин приводят к формированию недоразвитого Сверх-Я и меньшей, чем у мужчин, способности к сублимации и моральному поведению, — все это повлекло массу критических отзывов и обвинений в женоненавистничестве и стимулировало таких последовательниц Фрейда, как Карен Хорни и Мелани Кляйн, на создание собственных теорий. В первую очередь им свойственен отказ от признания важности роли кастрационного комплекса и зависти к пенису в формировании полового различия — вместо этого постулируется наличие самостоятельного женского либидо и женской сексуальности, не связанной с мужской: так, Хорни формулирует концепт «зависти к матке», которая свойственна мужчинам, неспособным, в отличие от женщин, производить новую жизнь.

Однако, если следовать Митчелл, проблема этих критиков заключается в том, что, отказываясь от производства различия кастрационным комплексом как от мизогинной идеи, они оказываются вынуждены постулировать мужское и женское начало, мужскую и женскую сексуальность и, следовательно, гетеросексуальное влечение как нечто изначально, биологически данное. Между тем для Фрейда половое различие является не естественной данностью, на которой строится дальнейшее теоретизирование, но, напротив, проблемой, требующей внимания и объяснения. Человеческая сексуальность в целом, как Фрейд установил в самом начале своей работы, не является инстинктивной (хотя и имеет связь с инстинктами). Половое различие — не в смысле простого наблюдаемого факта принадлежности тела к тому или другому полу, но в смысле того, как именно в этом теле разворачивается субъектность, — также с фрейдистской точки зрения должно быть не данностью, а достижением.

Лакан радикализирует позицию Фрейда: если у Фрейда кастрационный комплекс и формирование субъекта по маскулинной или феминной линии все же связаны с анатомией, теория Лакана (во всяком случае, в первом приближении) порывает с биологическим детерминизмом и рассматривает половое различие как структурное отношение субъекта с символическим порядком. Упрощенно ситуацию Эдипова и кастрационного комплекса у Лакана с опорой на доклад «Значение фаллоса» можно описать следующим образом (Лакан 1997). Изначально ребенок погружен в слитые отношения с матерью в регистре воображаемого. Поскольку человек рождается радикально несамостоятельным и зависимым от матери, которая о нем заботится, его желание опирается на желание матери (отсюда формула «желание — это желание Другого»): желание ребенка заключается в том, чтобы быть объектом желания матери. Эту позицию Лакан называет воображаемым фаллосом. Однако в какой-то момент диада оказывается разбита третьим, отцом. Это не обязательно реальный отец или вообще человек, именно поэтому Лакан говорит об отцовской функции или отцовской метафоре. Ее цель — кастрировать мать, лишить ее всемогущества и таким образом вывести человеческого детеныша в поле языка. Первое означающее, задействованное в этой операции, — это фаллос, на этот раз символический. Символический фаллос — это означающее желания матери, то, на что это желание направлено помимо ребенка. Вторжение символического фаллоса в диаду уже не позволяет ребенку наслаждаться идентификацией

с воображаемым фаллосом, заставляет его (не без сопутствующих негативных переживаний) вписать себя в дискурс Другого — в язык, закон, символическое. Вытесняя первичный материнский объект, оказавшийся недоступным, отрезая себе доступ к наслаждению и замещая его означающим, ребенок принимает идентификацию с отцом и располагает себя по отношению к символическому фаллосу определенным образом, — то есть занимая мужскую или женскую позицию.

Таким образом, помимо того, что половое различие у Лакана понимается как эффект столкновения человека с языком, вторым следствием является тот факт, что асимметрия полового различия здесь выходит на новый уровень. Половое различие кодируется только одним означающим — фаллосом. Как можно записать два пола с помощью одного означающего? Получается, что в психоанализе не остается места для «женщины» или «женского» в собственном смысле слова: женственность неизбежно начинает пониматься как негативность, как производное от мужественности, лишенное собственного содержания (Rose 1982). И хотя многие из феминисток приветствовали поворот Лакана от анатомии к символическому, за этот же ход его критиковали и обвиняли в фаллоцентризме: асимметричное половое различие, понятое в строго фаллическом духе, здесь становится человеческой трансценденталией, неизбежным эффектом языка как такового. Проблему для многих исследователей в связи с этим представлял и кажущийся аисторизм Лакана. Показательна в этом отношении дискуссия между Джудит Батлер и Джулиет Митчелл, где первая утверждает имманентность полового различия истории, а вторая, придерживаясь более ортодоксально лакановских позиций, отстаивает его трансцендентальный характер (Butler 2015; Mitchell 2015). Другой пример такой коллизии — это более ранний спор между Батлер и Славоем Жижекком (Butler, Laclau, Žižek 2000). Однако в том случае ситуация разворачивалась иначе, поскольку аргумент Жижека — не в пользу полового различия как символического трансцендентального аппарата по производству субъектности, а в пользу полового различия как Реального — сбоя в символическом, несимволизируемого избытка.

Дело в том, что поздний Лакан (на которого в данном случае ссылается Жижек) отчасти отходит от своего лингвоцентризма, когда обращается к теме Реального и наслаждения. Отношения с наслаждением, от которого субъект заграждается в результате символической кастрации, описывает теория сексуации, в наиболее

полном виде сформулированная в семинаре 1972 года «Еще». Согласно ей, фаллическая функция подвергается символической кастрации всех субъектов, вступающих в поле языка. Половое различие возникает как различие между двумя возможными реакциями субъекта на это событие: принятие фаллического означающего с квантором всеобщности предполагает мужскую позицию, женщина же определяется квантором «не-все» (Лакан 2011: 93).

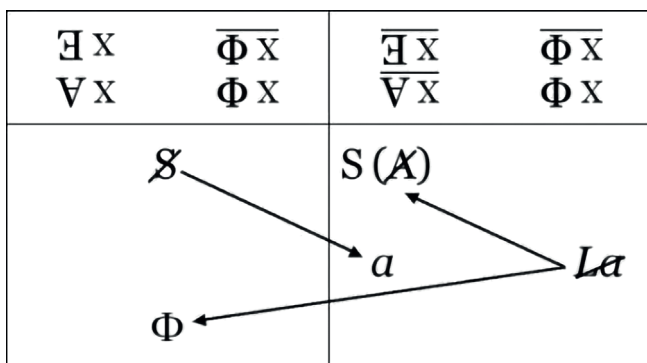

Рисунок 1. Формулы сексуации

Мужской субъект полностью вписан в символический порядок: об этом говорит нижняя строка левой половины таблицы, «для всех X выполняется функция Φ (символическая кастрация)». Однако само существование «всех» как определенного множества конституируется исключением, которое содержится в первой строке: «существует X, для которого не выполняется Φ». Множество кастрированных субъектов обосновывается существованием одного некастрированного, имеющего всю полноту наслаждения, — бога, фрейдовского отца первобытной орды, фантазматической Женщины с большой буквы.

С другой стороны, женская позиция не знает исключений: «не существует X, для которого не выполняется Φ». Однако именно это делает множество женщин неопределенным, беспредельным: множество женщин — это множество без общего элемента, поэтому «Женщины» с большой буквы не существует, — и именно поэтому женщина не полностью подпадает под закон кастрации: «для не-всех X выполняется Φ». Помимо фаллического наслаждения, женщина как не-вся также имеет связь с Реальным, с Другим наслаждением, возникающим там, где

символическое начинает противоречить само себе, где язык обнаруживает свою неконсистентность и избыточность. Поэтому в нижней части таблицы от женщины желание направляется в две стороны: первая стрелка, ведущая к Ф (фаллическому означающему желаний, которым якобы обладает мужчина), — это то, как женственность формулировалась ранее, в «Значении фаллоса»; однако ее дополняет вторая стрелка, указывающая на перечеркнутого Другого. Иными словами, женщина погружена в язык без исключений, и именно поэтому она, помимо символического желаний фаллоса, имеет также доступ к наслаждению Другого, проявляющему себя в сбоях и избыточностях языка².

Подытоживая, можно сказать, что у Лакана половое различие понимается, по словам Ренаты Салецл, как «выражение определенного тупика, свойственного самому элементарному отношению между человеческим животным и символическим порядком» (Salecl 2000: 9). В лакановском психоанализе, таким образом, не может идти речи о том, чтобы половое различие «преодолеть» или «снять» — оно понимается как «базовое различие», «различие по умолчанию», определяющее возможность возникновения всех иных различий и способность субъекта сопротивляться собственным детерминациям (Corjес 1994: 237). Именно этот зазор между субъектом и дискурсом, между телом и символическим является, возможно, наиболее ценным вкладом лакановского психоанализа в том числе и в социальный анализ, и именно он оказывается, на наш взгляд, камнем преткновения, который сделал психоанализ невозможным в качестве теоретической основы для воспитанного парой «пол/гендер» американского феминизма.

Феминизм против психоанализа

В американской традиции радикальный потенциал психоанализа оказался полностью выхолощен — с одной стороны, из-за его интеграции в государственную психиатрию (как мы видели на примере Мани и Столлера), с другой, возможно, — из-за его вульгаризации в популярной культуре. Бетти Фридан, одна из вдохновительниц женского движения, своей книгой «Загадка

² Представленная здесь интерпретация опирается на теоретиков Люблянской школы психоанализа и примыкающих к ним: Аленку Зупанчич, Ренату Салецл, Джоан Копджек (Corjес 1994; Salecl 2000; Зупанчич 2020).

женственности» (1963) заложила до сих пор живую традицию изображения психоаналитика как одного из главных врагов женского освобождения (Friedan 1979: 95–116). Фридан живописует, как в поствоенной Америке психоанализ действительно приобрел функцию стабилизации семьи как структурной ячейки общества. Часто это заключалось в том, что аналитики убеждали депрессивных домохозяек из пригорода, что их несчастливая жизнь — на самом деле предел мечтаний и что им просто нужно обрести контакт со своей женственностью. Кейт Миллетт обрушивается с критикой на Фрейда в том же русле, что и Фридан, но более развернуто. Основной тезис критики Миллетт можно сформулировать следующим образом: Фрейд правильно идентифицировал проблемы своих пациенток, однако вместо того, чтобы объяснить их социальной угнетенностью, придумал концепцию зависти к пенису, основанную на теории бессознательной сексуальности, чтобы таким образом рационализировать неравенство. Подрывной потенциал теории Фрейда, согласно Миллетт, был сведен на нет женоненавистническими взглядами его самого и, в еще большей степени, его последователей. Психоанализ, таким образом, закрепляет в качестве естественных психосексуальных явлений то, что в действительности было продуктом исторической эпохи и неравномерного распределения власти (Millett 2000: 176–203).

Как показывает Джулиет Митчелл, критика Миллетт (и других радикальных феминисток) рассматривает теорию женственности Фрейда в отрыве от его основных открытий (бессознательное желание, инфантильная сексуальность). В результате не только Фрейдова теория женственности в такой интерпретации справедливо кажется неубедительной, но также целиком игнорируется новая оптика, которую создает Фрейд, — представление о человеке как о расколотом субъекте, движимом бессознательными желаниями. Пациентки Фрейда, согласно Миллетт, не страдают от противоречий своей сексуальности — они рационально реагируют на обделенность властью. Зависть к пенису связана не с приматом фаллоса как означающего желания — это последовательная и оправданная зависть к лучшему социальному положению, которым наслаждаются те, кто этим пенисом обладает (Mitchell 2000: 305–363). В этой картине субъект лишен внутренних противоречий: все его проблемы — от неравномерного распределения власти на уровне общества. Именно поэтому возможно сознательное и рациональное действие по распутыванию патриархальных установок и перераспределение власти,

которое в конечном итоге сделает женщин и мужчин равными друг другу психосоциальными андрогинами. В этой перспективе вопрос Митчелл — почему, несмотря на завоевания в сфере экономического и социального равенства, в сфере сексуальности и половых ролей сохраняется некий консерватизм, мешающий установлению действительного равенства и сохраняющий радикальное различие полов (Mitchell 2000: xv-xxviii), — остается принципиально неотвеченным, поскольку эта перспектива исключает какое-либо измерение помимо социального.

До предела это противоречие между психоанализом и радикальным феминизмом доходит в работах Шуламит Файерстоун — что по-своему иронично, поскольку, в отличие от Миллетт, Фридан и других соратниц, она стремится защитить Фрейда от критики, утверждая, что психоанализ и феминизм «растут из одной почвы» и «состоят из одного и того же материала» (Firestone 1970: 41–61). Этим материалом является, по словам самой Файерстоун, сексуальность. Хотя, утверждает она, теории Фрейда подчас абсурдны, а психоаналитическое лечение неэффективно, он ухватил корень проблем современного общества, объясняющий как личные неврозы, так и угнетенное положение женщин, детей и небелых. Этим корнем является репрессия сексуальности в семье — «подчинение принципа удовольствия принципу реальности», которое жестокий отец вводит в жизнь ребенка (Firestone 1970: 61). Одновременно с этим внешним согласием Файерстоун неоднократно подчеркивает, что Фрейд не стоит понимать буквально, что он «может приводить в смущение» (Firestone 1970: 55) и что, разумеется, ребенок не испытывает влечения к своей матери на самом деле: все это лишь метафора естественной привязанности ребенка к матери. Эдипова ситуация и комплекс кастрации — это не столкновение желания с запретом, который налагает отцовская функция; напротив — это совершенно рациональная реакция маленького субъекта на дисбаланс власти между матерью и отцом. Файерстоун — как и Фрейд — замечает любовь детей обоих полов к матери как к источнику безусловной заботы. Однако эту любовь Файерстоун понимает, несмотря на провозглашаемую важность сексуальности, десексуализированно — как привязанность и даже солидарность детей с матерью перед лицом отца. Отец же, обладая властью над матерью и более высоким общественным статусом, становится примером для подражания и объектом для идентификации постольку, поскольку ребенка заставляют уважать его больше матери, а мать оказывается

слабой и бесправной. Мальчик, по словам Файерстоун, нехотя отказывается от союза с матерью и переходит на сторону отца в надежде получить от него власть — ведь мать ее дать не способна. Девочка же может либо бороться за те же права, которые предлагаются мальчику, либо сдаться и принять свою женскую роль. Все это — совершенно понятные рациональные стратегии (перетолковывая «метафоры» Фрейда, Файерстоун регулярно использует вводные слова «понятно», «очевидно», «разумеется»), и решение оказывается не менее понятным и рациональным: уничтожить социальное неравенство мужчин и женщин через отмену нуклеарной семьи. Отец больше не будет властвовать над матерью, табу на инцест исчезнет, как и половое различие.

Как замечает Джулиет Митчелл, Файерстоун, будучи единственной из видных радикальных феминисток, выступившей в защиту Фрейда, оказалась на практике дальше всех от него со своим перетолковыванием бессознательного желания в социологических терминах (Mitchell 2000: 350). Отсюда следует одна слабость теории Файерстоун: выводя сущностную динамику и законы полового различия из эмпирических социальных условий, она неизбежно и стремительно устаревает. Анализ Файерстоун во многом не актуален для современных реалий: в XXI веке женщины получили практически полный доступ к рынку труда, а нуклеарная семья в том гипертрофированном виде, как ее изображает Файерстоун (бесправная жена-домохозяйка, грозный *paterfamilias* и трепещущие перед ним дети), практически перестает существовать (что, впрочем, никак не гарантирует, что ситуация с угнетением женщины стала лучше).

Не приходится говорить о том, насколько далека от психоанализа теория социального конструирования гендера с ее «общественным контролем» и «подотчетностью» (Уэст, Зиммерман 2000: 205–207). Что касается Батлер, то ее отношения с психоаналитической теорией намного сложнее. Батлер отвергает представление о субъекте, предшествующем дискурсу, — более того, с ее точки зрения, апелляция к такому субъекту является воспроизводством метафизики сущности, на которой основано традиционное понимание пола/гендера (Батлер 2022: 67–81). По Батлер, субъект конституируется в дискурсивной матрице соответствий пола/гендера/желания: быть мужчиной — значит не быть женщиной (и желать женщину) в том же смысле, в каком быть женщиной — значит не быть мужчиной (и желать муж-

чину). Желание, как и сама субъектность, является продуктом дискурса. Батлер считает, вслед за Фуко, что сексуальности «до» или «после» закона не существует (вернее, она, как и «естественный» пол, является внутренним эффектом закона, а не чем-то внешним по отношению к нему), и феминистская политика вынуждена исходить из существующей фаллической модели сексуальности, а не фантазировать об утопической альтернативе. Отталкиваясь от этого, Батлер формулирует свой политический проект: пародирование, смещение и пролиферация гендерных позиций в рамках существующей системы, призванные вскрыть фиктивность нормы (Батлер 2022: 85–95).

В работе «Психика власти» (1997) она дополняет эту теорию представлением о «меланхолийном гендере». Согласно Фрейду, меланхолия возникает в результате неосознанной и непринятой утраты любимого объекта: либидо в результате переносится на Я, инкорпорирующее утраченный объект; утрата становится бессознательной идентификацией (Фрейд 2006в). Из этого механизма Батлер выводит гендерную идентичность: в связи с запретом на однополое влечение, предшествующим табу на инцест, ребенок неизбежно утрачивает один из первых любимых объектов (родителя своего пола) — и меланхолически инкорпорирует этот пол в свое Я, идентифицируясь с утраченным объектом и становясь таким образом мужчиной или женщиной. Гендерный перформатив с этой точки зрения становится отыгрыванием утраты любимого объекта своего пола, утраты, которая не может быть осознана и прожита, поскольку сама по себе исключена в двойном отрицании: «я никогда не любила ее и никогда не теряла ее» (Батлер 2002: 112–125).

Отношения этой теории с психоанализом остаются проблематичными: для Батлер не существует трансцендентального закона символической кастрации, о котором говорил Лакан; язык и культуру она понимает как изменчивый и непостоянный набор правил, которые, передаваясь от поколения к поколению — пусть и бессознательно, — всегда могут измениться, мутировать, породив таким образом новые конфигурации идентичности и желания. Стратегия Батлер имеет имманентный характер: о преодолении гендера как такового речь не идет, однако умножение должно привести к постепенному освобождению от жестких структурных рамок. Но в этом читается и пессимизм, даже нигилизм Батлер. Хотя она и утверждает, что субъект — это продукт дискурса, в ее текстах, как отмечает психоаналитик Александр Смулянский, постоянно прочитывается, что этот

субъект страдает, пассивно претерпевает насилие, совершаемое над ним дискурсом (Смулянский 2021). Значит, в нем есть что-то, изначально все-таки находящееся по ту сторону дискурса, противопоставленное ему. Ряд психоаналитических авторов указывает на проблему фукольдianской теории, которая относится и к Батлер: субъект как эффект дискурса принципиально не способен на радикальное действие, имманентен социальному полю, а то свободное, что в нем все-таки есть («тела и удовольствия» у Фуко), в таком случае, неизбежно находится по ту сторону дискурса, в утопическом и недостижимом мире до закона (несмотря на эксплицитную критику такой утопии у Батлер) (Ashtor 2021; Carusi 2021). Психоаналитическая теория субъекта отличается тем, что, хотя субъект в ней также понимается как то, что производится дискурсом, он принципиально избыточен по отношению к нему и никогда не может полностью совпасть со своей позицией. Расколотость субъекта предполагает его диалектическое отношение со своими символическими и материальными детерминациями, а не полную интеграцию или пассивное претерпевание. Эта проблематика напрямую связана с половым различием, потому что именно половое различие можно понимать как несимволизируемое в символическом, как не-место, с которого субъект может претендовать на трансформацию произведшей его реальности.

Заключение

Дуализм «пола/гендера», ставший теоретическим фундаментом американского феминизма, представляет собой не нейтральный аналитический инструмент, а продукт специфической биополитической истории — от становления биополитики в XVIII–XIX веках до нормативной сексологии Мани и структурного функционализма Парсонса. Хотя феминизм и взял этот аппарат на вооружение, поскольку увидел в разделении «природного» тела и «социального» гендера освободительный потенциал, этот потенциал не вполне оправдал себя. Декларируя освобождение от биологического детерминизма, дуализм «пола/гендера» воспроизводит иерархическую логику своих концептуальных истоков, а кроме того — удаляется все дальше от адекватного описания жизненного опыта конкретных людей. Как показал разбор работ Уэст и Зиммермана, а также Батлер, последующие попытки деконструировать этот дуализм (через идею перформативности) лишь углубили проблему, окончательно

оторвав теорию от материальности телесного опыта. Дальнейшие попытки вернуть материю в теорию все еще несут на себе печать абстрактного и переусложненного теоретизирования.

Психоанализ, на необходимости которого для феминистской теории настаивали авторки типа Митчелл, позволяет обойти эту проблему, просто не касаясь ее: вместо попытки связать два абстрактных плана, он работает с третьим — с психическим пространством, в котором половое различие оказывается одновременно воплощенным и при этом контингентным и конструируемым, и более того — открывающим для субъекта определенную свободу несовпадения с любыми внешними детерминациями, биологическими или культурными.

Однако психоанализ (особенно лакановский) имеет ту же слабость, что и парадигма «пола/гендера»: вопреки тому, что вырастает он из сингулярной клиники, в руках теоретика он может превратиться в абстрактную объяснительную схему. Именно поэтому снобизм, присущий лаканистской теории, следует умерять, вспоминая и о других альтернативных линиях критики «пола/гендера»: например, о феноменологическом подходе Гейтенс (через Мерло-Понти) и Мой (через Бовуар и философию обыденного языка). Общее зерно, которое можно выявить во всех этих подходах, таково: тело всегда уже социально, но социальное — всегда воплощено. Любая теория пола, претендующая на освободительный потенциал, должна начинать не с теоретического противопоставления «природы» и «культуры», а с вопроса: чьи именно тела и чей опыт она делает видимыми — и в каком отношении? Какие прежде неизвестные степени свободы она открывает? История конфликта между психоанализом и американским феминизмом — как бы она ни развивалась дальше — является важным примером того, как генеалогия идей приводит к вполне реальным затруднительным последствиям. Психоанализ, при всех его ограничениях, ценен тем, что сохраняет вопрос «чье это тело?» в фокусе — в отличие от теорий в парадигме «пола/гендера», которые слишком часто подменяют живых людей схемами и словно пытаются абстрактным просветительским жестом эмансипировать скорее эти схемы, чем людей.

Библиография

- Алеман, Хорхе (2019). *Об освобождении. Психоанализ и политика*. Горизонталь.
 Батлер, Джудит (2002). *Психика власти: теории субъекции*. ХЦГИ; Алетейя.
 Батлер, Джудит (2022). *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. V-A-C Press.

- де Бовуар, Симона (1997). *Второй пол*. Прогресс; Алетея.
- Лакан, Жак (1997). «Значение фаллоса». В кн.: *Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда*, 137–47. Русское феноменологическое общество.
- Лакан, Жак (2011). *Еще. Семинары: Книга XX (1972/73)*. Гнозис, Логос.
- Миллетт, Кейт (1994). «Теория сексуальной политики». *Вопросы философии* 9: 147–72.
- Мой, Торил (2004). *Сексуальная текстуальная политика*. М.: Прогресс-Традиция.
- Нуссбаум, Марта (2018). «Профессор пародии». *Сигма*, March 28, 2018. URL: <https://syg.ma/@dmitry-sereda/marta-nussbaum-professor-parodies>.
- Рубин, Гейл (2000). «Обмен женщинами: заметки о 'политической экономии' пола». В кн.: *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной, 89–139. Издательство «Дмитрий Буланин».
- Смулянский, Александр (2021). «Переобретение пола: от гендерных исследований к теории сексуации». *Stasis* 12 (2): 122–59.
- Тупинамба, Габриэлла (2024). *Желание психоанализа: опыты лакановского мышления*. РИПОЛ-Классик.
- Уэст, Кэндес, Зиммерман, Дон (2000). «Создание гендера». В кн.: *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной, 193–219. Издательство «Дмитрий Буланин».
- Фрейд, Зигмунд (2003). «Тридцать третья лекция. Женственность», в Фрейд, Зигмунд, *Сочинения, том 1: Лекции по введению в психоанализ и новый цикл*. ООО «Фирма СТД».
- Фрейд, Зигмунд (2006а). «Некоторые психические последствия анатомического различия полов», в Фрейд, Зигмунд, *Сочинения, том 5: Сексуальная жизнь*. ООО «Фирма СТД».
- Фрейд, Зигмунд (2006б). «Три очерка по теории сексуальности» в *Сочинения, том 5: Сексуальная жизнь*. ООО «Фирма СТД».
- Фрейд, Зигмунд (2006с). «Печаль и меланхолия». В Кн.: Фрейд, Зигмунд, *Сочинения, том 1: Психология бессознательного*. ООО «Фирма СТД».
- Фуко, Мишель (1996). «Воля к знанию. История сексуальности. Том первый», в *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, 98–268. Касталь.
- Фуко, Мишель (2005). *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. Наука.
- Фуко, Мишель (2011). *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Наука.
- Alaimo, Stacy, Hekman, Susan J. (2008). *Material Feminisms*. Bloomington, Indiana University Press.
- Ashtor, Gila (2021). *Exigent Psychoanalysis: The Interventions of Jean Laplanche*. Routledge.
- Barad, Karen (2007). *Meeting the universe halfway: quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Duke University Press.
- Butler, Judith (2015). “Ideologies of the Super-Ego: Psychoanalysis and Feminism, Revisited.” In *Juliet Mitchell and the lateral axis: twenty-first-century psychoanalysis and feminism*, eds. R. Dushcinsky, S. Walker, 57–75. Palgrave Macmillan.
- Butler, Judith, Laclau, Ernesto, Žižek, Slavoj (2000). *Contingency, hegemony, universality: contemporary dialogues on the left*. Verso.
- Butler, Judith (2011). *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of “Sex.”* Routledge.
- Carusi, Rana M. (2021). *Lacan and critical feminism: subjectivity, sexuation, and discourse*. Routledge.
- Copjec, Joan (1994). *Read My Desire: Lacan against the Historicists*. MIT Press.
- Copjec, J. (2012). “The Sexual Compact”. *Angelaki* 17 (2).

- Ellis, Havelock, Symonds J. A. (1896). *Das konträre Geschlechtsgefühl*. G. H. Wigand.
- Fausto-Sterling, Anne (1993). "The Five Sexes: Why Male and Female are not Enough." *The Sciences* 33: 20–25.
- Fausto-Sterling, Anne (2020). *Sexing the Body: Gender Politics and the Construction of Sexuality*. Second edition. Basic Books.
- Firestone, Shulamith (1970). *The Dialectic of Sex: The Case for a Feminist Revolution*. William and Morrow.
- Friedan, Betty (1979). *The Feminine Mystique*. Dell.
- Gaetano, Phil (2017). "David Reimer and John Money Gender Reassignment Controversy: The John/Joan Case." In *Embryo Project Encyclopedia*. URL: <http://embryo.asu.edu/handle/10776/13009>
- Garfinkel, Harold (1984). *Studies in ethnomethodology*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Gatens, Moira (1996). "A Critique of the Sex/Gender Distinction." In *Imaginary Bodies: Ethics, Power, and Corporeality*, 3–20. Routledge.
- Goffman, Erving (1988). *Gender Advertisements*. Harper & Row, Publishers.
- Grosz, Elizabeth (1989). *Sexual Subversions: Three French Feminists*. Allen & Unwin.
- Irigaray, Luce (1985). *Speculum of the Other Woman*. Cornell University Press.
- Krafft-Ebing, Richard. (1998). *Psychopathia Sexualis: With Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: a Medico-forensic Study*. New York: Arcade Publishing.
- Laplanche, Jean (1989). *New foundations for psychoanalysis*. Basil Blackwell.
- Laqueur, Thomas W. (1990). *Making sex: body and gender from the Greeks to Freud*. Harvard University Press.
- Millett, Kate (2000). *Sexual Politics*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
- Mitchell, Juliet (2015). "Debating Sexual Difference, Politics, and the Unconscious: With Discussant Section by Jacqueline Rose." In *Juliet Mitchell and the lateral axis: twenty-first-century psychoanalysis and feminism*, ed. R. Dushcinsky, S. Walker, 77–99. Palgrave Macmillan.
- Mitchell Juliet (1982). "Introduction — I." In *Feminine sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, ed. J. Mitchell, J. Rose, 1–26. Macmillan.
- Mitchell, Juliet. (2000). *Psychoanalysis And Feminism: a Radical Reassessment Of Freudian Psychoanalysis*. 2nd revised edition. New York: Basic Books.
- Moi, Toril (1999). "What Is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory." In *What Is a Woman? And Other Essays*, 3–120. Oxford University Press.
- Money, John, Hampson, Joan G., Hampson, John L. (1957). "Imprinting and the Establishment of Gender Role." In *A.M.A. Archives of Neurology & Psychiatry*, 77(3): 333–336. Cornell University Press.
- Parsons Talcott, Bales, Robert F. (2002). *Family socialization and interaction process*. Reprint. Routledge.
- Repo, Jemima (2015). *The Biopolitics of Gender*. Oxford University Press.
- Rose, Jaqueline (1982). "Introduction — II." In *Feminine sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, ed. J. Mitchell, J. Rose, 27–58. London: Macmillan.
- Salecl, Renata (2000). "Introduction." In *Sexuation*, ed. Renata Salecl, 1–9. Duke University Press.
- Stoller, Robert J. (1968). *Sex and gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. Institute of Psychoanalysis.

Yana Markova

*Lecturer,
ITMO, Kronverkskiy Prospekt, 49, lit. A.,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: iana.caerulea@gmail.com*

The Contradiction between the American Women's Movement and Psychoanalysis

Abstract:

The article examines the theoretical premises that shaped the history of tensions between psychoanalytic theory and the women's rights movement. It argues that the roots of this conflict lie in a distinctly American way of conceptualizing sexual difference as consisting of two relatively independent layers: biological and social. The article traces the genealogy of this conceptualization of sexual difference, from sexology and sociology up to contemporary new materialism. The abstraction of sex and gender as separate entities, while sensible at certain points, creates—as the article demonstrates—conceptual difficulties that Judith Butler and their followers within the materialist turn have attempted to resolve. The article presents arguments from opponents of this conceptual distinction, drawing on phenomenology (e.g., Moira Gatens reading Maurice Merleau-Ponty) and existentialism (e.g., Toril Moi reading Simone de Beauvoir). It further contends that psychoanalysis offers an alternative way of thinking about sexual difference in its lived concreteness. However, the mismatch in foundational assumptions have prevented the American feminist movement from recognizing this aspect of psychoanalysis, leading to vehement critiques that—as the article shows—often miss their mark.

Keywords:

sex, gender, psychoanalysis, American feminism, history of ideas

References

- Alaimo, Stacy, Hekman, Susan J. (2008). *Material Feminisms*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Aleman, Horhe. (2019). *Ob osvobozhdenii. Psihoanaliz i politika*. M.: Gorizonta1'.
- Ashtor, Gila. (2021). *Exigent Psychoanalysis: The Interventions of Jean Laplanche*. Milton Park, Abingdon Oxon; New York, NY: Routledge.
- Barad, Karen. (2007). *Meeting the universe halfway: quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham: Duke University Press.
- Batler, Dzhudit. (2002). *Psihika vlasti: teorii sub»ekcii*. Har'kov; SPb.: HCGI; Aletejya.
- Batler, Dzhudit. (2022). *Gendernoe bespokojstvo: feminizm i podryv identichnosti*. M.: V–A–C Press.
- Bovuar, Simona de. (1997). *Vtoroj pol. T. 1 i 2*. M.; SPb.: Progress; Aletejya.
- Butler, Judith. (2011). *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex."* Routledge Classics. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
- Butler, Judith. (2015). "Ideologies of the Super-Ego: Psychoanalysis and Feminism, Revisited," in *Juliet Mitchell and the lateral axis: twenty-first-century psychoanalysis and feminism*, eds. R. Dushcinsky, S. Walker, 57–75. New York: Palgrave Macmillan.
- Butler, Judith., Laclau, Ernesto, Žižek, Slavoj. (2000). *Contingency, hegemony, universality: contemporary dialogues on the left*. London: Verso.
- Carusi, Rana M. (2021). *Lacan and critical feminism: subjectivity, sexuation, and discourse*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Copjec, J. (2012) "The Sexual Compact". *Angelaki* 17 (2).
- Copjec, Joan. (1994). *Read My Desire: Lacan against the Historicists*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Ellis, Havelock, Symonds J. A. (1896). *Das konträre Geschlechtsgefühl*. Leipzig: G.H. Wigand.
- Fausto-Sterling, Anne. (1993). "The Five Sexes: Why Male and Female are not Enough." *The Sciences* 33: 20–25.
- Fausto-Sterling, Anne. (2020). *Sexing the Body: Gender Politics and the Construction of Sexuality*. Second edition. New York: Basic Books.
- Firestone, Shulamith. (1970). *The Dialectic of Sex: The Case for a Feminist Revolution*. New York: William and Morrow.
- Frejd, Zigmund. (2003). «Tridcat' tret'ya lekcija. ZHenstvinnost'», v *Soch., t. 1: Lekcii po vvedeniyu v psihoanaliz i novyj cikl*. M.: OOO «Firma STD».
- Frejd, Zigmund. (2006a). «Nekotorye psichicheskie posledstviya anatomicheskogo razlichiya polov», v *Soch., t. 5: Seksual'naya zhizn'*. M.: OOO «Firma STD».
- Frejd, Zigmund. (2006b). «Tri ocherka po teorii seksual'nosti» v *Soch., t. 5: Seksual'naya zhizn'*. M.: OOO «Firma STD».
- Frejd, Zigmund. (2006c). «Pechal' i melanholiya», v *Soch., t. 1: Psihologiya bessoznatel'nogo*. M.: OOO «Firma STD».
- Friedan, Betty. (1979). *The Feminine Mystique*. New Dell ed., 2nd print. New York: Dell.
- Fuko, Mishel' (2011). *Bezopasnost', territoriya, naselenie: Kurs lekciy, prochitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu*. SPb.: Nauka.
- Fuko, Mishel'. (1996). «Volya k znaniyu. Istoriya seksual'nosti. Tom pervyj», v *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*, 98–268. M.: Kastal'.
- Fuko, Mishel'. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lekciy, prochitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu*. SPb.: Nauka.
- Gaetano, Phil. (2017). "David Reimer and John Money Gender Reassignment Controversy: The John/Joan Case," in *Embryo Project Encyclopedia*. URL: <http://embryo.asu.edu/handle/10776/13009>
- Garfinkel, Harold. (1984). *Studies in ethnomethodology*. Cambridge, UK: Polity Press.

- Gatens, Moira. (1996). "A Critique of the Sex/Gender Distinction," in *Imaginary Bodies: Ethics, Power, and Corporeality*, 3–20. London; New York: Routledge.
- Goffman, Erwing. (1988). *Gender Advertisements*. New York: Harper & Row, Publishers.
- Grosz, Elizabeth. (1989). *Sexual Subversions: Three French Feminists*. Sydney: Allen & Unwin.
- Irigaray, Luce. (1985). *Speculum of the Other Woman*. New York: Cornell University Press.
- Krafft-Ebing, Richard. (1998). *Psychopathia Sexualis: With Especial Reference to the Antipathic Sexual Instinct: a Medico-forensic Study*. New York: Arcade Publishing.
- Lakan, ZHak. (1997). «Znachenie fallosa». V kn. *Instanciya bukvy v bessoznatel'nom, ili sud'ba razuma posle Frejda*, 137–47. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
- Lakan, ZHak. (2011). *Eshchyo. Seminary: Kniga XX (1972/73)*. M.: Gnozis, Logos.
- Laplanche, Jean. (1989). *New foundations for psychoanalysis*. Oxford, UK; New York, NY, USA: Basil Blackwell.
- Laqueur, Thomas W. (1990). *Making sex: body and gender from the Greeks to Freud*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1990.
- Millett, Kate. (2000). *Sexual Politics*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
- Millett, Kejt. (1994). «Teoriya seksual'noj politiki». *Voprosy filosofii* 9:147–72.
- Mitchell Juliet. (1982). "Introduction — I," in *Feminine sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, eds. J. Mitchell, J. Rose, 1–26. London: Macmillan.
- Mitchell, Juliet. (2000). *Psychoanalysis And Feminism: a Radical Reassessment Of Freudian Psychoanalysis*. 2nd revised edition. New York: Basic Books.
- Mitchell, Juliet. (2015). "Debating Sexual Difference, Politics, and the Unconscious: With Discussant Section by Jacqueline Rose," in *Juliet Mitchell and the lateral axis: twenty-first-century psychoanalysis and feminism*, eds. R. Dushcinsky, S. Walker, 77–99. New York: Palgrave Macmillan, 2015.
- Moi, Toril. (1999). "What Is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory," in *What Is a Woman? And Other Essays*, 3–120. New York: Oxford University Press.
- Moj, Toril. (2004). *Seksual'naya tekstual'naya politika*. M.: Progress-Tradiciya.
- Money, John, Hampson, Joan G., Hampson, John L. (1957). "Imprinting and the Establishment of Gender Role," in *A.M.A. Archives of Neurology & Psychiatry*, 77(3): 333–336. New York: Cornell University Press.
- Nussbaum, Marta. (2018). «Professor parodii». *Syigma*, March 28, 2018. <https://syg.ma/@dmitry-sereda/marta-nussbaum-profiessor-parodii>.
- Parsons Talcott, Bales, Robert F. (2002). *Family socialization and interaction process*. Reprint. London: Routledge, 2002.
- Repo, Jemima. (2015). *The Biopolitics of Gender*. New York: Oxford University Press.
- Rose, Jaqueline. (1982). "Introduction — II" in *Feminine sexuality: Jacques Lacan and the école freudienne*, eds. J. Mitchell, J. Rose, 27–58. London: Macmillan.
- Rubin, Gejl. (2000). «Obmen zhenshchinami: zametki o 'politicheskoy ekonomii' pola». V kn. *Hrestomatiya feministikh tekstov. Perevody*, pod red. Eleny Zdravomyslovoj i Anny Tyomkinoj, 89–139. Spb.: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin».
- Salecl, Renata. (2000). "Introduction," in *Sexuation*, ed. Renata Salecl, 1–9. SIC 3. Durham, NC: Duke University Press.
- Smulyanskij, A. (2021). «Pereobretenie pola: ot gendernyh issledovanij k teorii seksuacii». *Stasis* 12 (2): 122–59.
- Stoller, Robert J. (1968). *Sex and gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. London, London: Hogarth; Institute of Psycho-analysis.
- Tupinamba, G. (2024). *ZHelanie psihoanaliza: opyty lakanovskogo myshleniya*. M.: RIPOL-Klassik.
- Uest, Kendes, Zimmerman, Don. (2000). «Sozдание gendera». V kn. *Hrestomatiya feministikh tekstov. Perevody*, pod red. Eleny Zdravomyslovoj i Anny Tyomkinoj, 193–219. Spb.: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin».